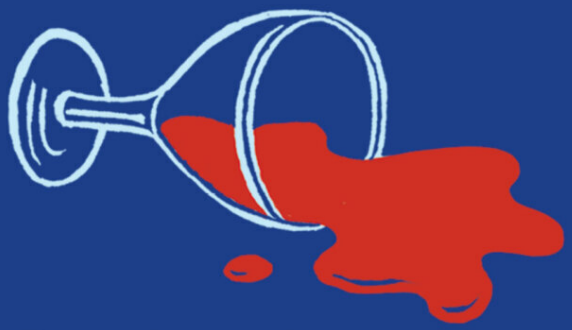
перевод ОЛЬГИ БУРДОВОЙ

ЙЕН МУР

«Чтение, которое приносит радость».
Алан Карр

Смерть и Козий сыр



ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

детектив

МИФ

МИФ Проза

Йен Мур

Смерть и козий сыр

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 82-312.4
ББК 84(4Вел)6-445.7

Мур Й.

Смерть и козий сыр / Й. Мур — «Манн, Иванов и Фербер», 2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214236-1

Англичанин средних лет и владелец небольшой гостиницы в тихой французской долине Ричард Эйнсворт ведет спокойную жизнь, и ему это нравится. Самое яркое событие в его городке за долгое время – это открытие ресторана звезды кулинарии и обладателя всех звезд Мишлен. Весь город в сборе, вечер сверкает изысканностью, звенят бокалы с игристым вином… И казалось бы, что тут может пойти не так? Но вдруг скандал! Гвоздь программы – блюдо, которое принесло мировую известность шеф-повару – подают с измененным рецептом! Ресторан опозорен, город в шоке, а ведущий поставщик сыра топит себя в чане с козьим молоком. Ресторанный критик, остановившийся у Ричарда, считает, что сыровара убили, и, конечно, Валери д'Орсе не может не начать собственное расследование этой интригующей истории. Ричард снова вынужден втянуться и с удивлением обнаружить, что играет важную роль в новом деле своей подруги-авантюристки. Для кого эта книга Для тех, кому понравилась первая часть «Смерть и круассаны». Для читателей остроумных cozy детективов с обаятельными героями и загадочными расследованиями. Для тех, кто хочет отвлечься и на время стать сыщиком. Для поклонников серии «Клуб убийств по четвергам». На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.4
ББК 84(4Вел)6-445.7

ISBN 978-5-00-214236-1

© Мур Й., 2021
© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Глава первая 8
Глава вторая 13
Глава третья 17
Глава четвертая 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Йен Мур
Смерть и козий сыр

Original title:
DEATH & FROMAGE
by Ian Moore

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

DEATH & FROMAGE:
Copyright © 2021 Ian Moore
This edition is published by arrangement with Greyhound Literary Agents and The Van Lear Agency LLC
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается папе, который заразил меня любовью к фильмам

Глава первая

Ричард Эйнсворт был не в себе и не в своей тарелке. А еще, учитывая, что он продолжал пить превосходное белое вино «Совиньон», то, вероятно, вскоре окажется и не в меру пьян. Дегустационное меню вечеринки, посвященной открытию ресторана Les Gens Qui Mangent[1] и совпавшей с обещанным возвращением Валери д'Орсе, выглядело подозрительно, неправдоподобно хорошим. Так и оказалось. Поэтому теперь Ричард сидел в подчеркнутом одиночестве за столиком для двоих, окруженный местными влиятельными лицами со всей долины в радиусе пятидесяти километров, и производил впечатление «мужчины, из которого выбили всю дурь», как образно выразился Хамфри Богарт в фильме «Касабланка».

Ричард пытался воздержаться от употребления новой порции вина, стараясь не смотреть на призывно блестящий хрусталь бокала, пока наконец не сдался, пожав плечами: «А, какого черта?» Официант тут же молниеносно подлетел – быстрее осы во время пикника – и наполнил фужер, умудряясь излучать каким-то образом сразу и подобострастие, и презрение. «Обслуживающий персонал парижских ресторанов учат секрету мастерства подавать серебряные приборы с непроницаемым, почти искрящим в воздухе высокомерием», – подумалось Ричарду.

– Еще, месье? – поинтересовался похожий на хорька коротышка, не глядя вниз. Его попытки говорить по-английски безо всяких сомнений доказывали парижскую профессиональную квалификацию, даже более явно, чем написанное на лице выражение «я лучше тебя» компетентного сотрудника, привезенного в маленький городок на открытие модного заведения.

– Что ж, валяй, – с натянутой жизнерадостностью кивнул Ричард.

Он хотел ответить по-французски, просто чтобы поставить собеседника на место, но инстинкт отозваться на английском победил, как было прекрасно известно всем проклятым официантам из Парижа. Неужели британское происхождение так бросалось в глаза? Но откуда? В конце концов, Ричард ведь не явился в шляпе-котелке на голове и с чашкой чая в руках. К тому же он приложил огромные усилия и выучил язык, когда переехал во Францию, поэтому сейчас говорил с местными почти свободно, но ровно настолько, чтобы не внушать недоверие, которое вызывают полноценные полиглоты, особенно родом из Англии. В любом случае забавные казусы при переводе всегда могли растопить лед в беседе. Иногда, чтобы завязать диалог, даже помогало притвориться менее осведомленным, чем на самом деле.

Возможно, Ричарда выдал его костюм, который он не надевал уже много лет. Покрой, как часто говорили, был очень уж британский, хотя и непонятно, служила ли фраза комплиментом или нет. Не хотелось это выяснять. Английский «стиль» французы обожали, вот только вряд ли следовало причислять сюда же и готовую одежду, купленную в сети супермаркетов. Обычно вещи Ричарда были типичными для мужчины средних лет: удобные, но неброские, примерно в одном растянутом свитере от устрашающего вердикта «он совсем себя запустил», которого опасались все холостяки определенного возраста, лишь недавно получившие свободу от семейных обязательств.

Однако сегодня Ричард даже оставил дома очки. По предложению Валери он носил их на шнурке вокруг шеи, чтобы не потерять, так как подобное случалось с печальной регулярностью. Удобство с лихвой компенсировало впечатление, производимое на посторонних.

Вполне вероятно, британское происхождение выдавал не столько внешний вид Ричарда, сколько его аура, некое отчетливое отличие, выделявшее англичанина среди всех французов в помещении. Иностранные корни ощущались в его неловкости среди роскошной обстановки фешенебельного ресторана, которую окружающие воспринимали как что-то естествен-

[1] Les Gens Qui Mangent – дословно: люди, которые едят *(фр.)*.

ное, положенное им по праву рождения. Ричард же чувствовал себя не в своей тарелке, почти недостойным столь изысканного общества, словно самозванец на грани разоблачения. Откровенно говоря, его чуждость бросалась в глаза, точно сарделька в гратен дофинуа[2].

Вместе с тем он наслаждался жизнью на просторах долины Луары и ролью экзотичного иностранца в своем спокойном неторопливом мирке. Одна из местных жительниц, довольно фривольная особа Жанин, которая держала пекарню, заявляла, что Ричард немного напоминает графа Грэнтема из сериала «Аббатство Даунтон», и хотя тот не был согласен с ее мнением, все же отныне во время ежедневной покупки багета всегда старался демонстрировать величественные манеры, приличествующие благородному лорду, пусть и находил подобное поведение довольно утомительным, а также совсем не соответствующим привычному стилю обаятельно-вежливого недоумения.

Сегодня вечером Ричард и вовсе чувствовал себя неуютно. Чего-то просто-напросто не хватало. Или кого-то. Это было очевидно любому, кто взглянул бы на пустующее место напротив. Начищенные столовые приборы и нетронутая тарелка будто кричали: «Этого неудачника продинамили».

«Проклятье!» – выругался он про себя, едва не сломав изящную ножку бокала.

Когда уже присутствовавшие в его жизни женщины, число которых в данный момент, как ни было прискорбно признавать, равнялось трем, включая раздельно проживающую супругу, чрезмерно капризную дочь и не явившуюся сотрапезницу, – когда уже все они прекратят ловить его на слове и начнут читать между строк? Конечно, Ричард не выказал бурных эмоций, когда Валери сообщила о своем намерении остаться, но и вряд ли походил на бесстрастную гранитную статую. В таких делах, как он считал, полагается демонстрировать выдержку и хладнокровие.

– Еще бокал, месье?

Ричард напрягся, уже приготовив ответ на французском, но затем лишь ссутулился и опустошенно пробормотал напоминавшему улитку официанту:

– Что, уже? Пожалуй, почему бы и нет.

Тот налил вино в бокал, держа бутылку с профессиональным мастерством и постепенно поворачивая ее, после чего опустил обратно в ведерко со льдом, обернул полотенцем высокое горлышко, элегантно наклонив его в сторону, практически щелкнул каблуками и плавно скользнул между столиками в поисках новой жертвы.

Ричард угрюмо уставился на бутылку. Didier Dagueneau[3], ни больше, ни меньше, – это немного его подбодрило. Если и пить в одиночестве, то хотя бы с ощущением гордости за свое положение в обществе, обеспечившее приглашение в столь шикарное заведение. Пожалуй, можно сменить злобное ворчание Богарта по причине отсутствия Ингрид Бергман на более легкое отношение стойко выдерживавшего все удары судьбы Кэри Гранта в «Незабываемом романе», которое разбило немало сердец, когда Дебора Керр не явилась на рандеву, назначенное на смотровой площадке Эмпайр-стейт-билдинг. Эти мысли принесли кратковременное утешение: Ричард вновь, как в молодости, обрел приют и возможность сбежать от реальности в золотой эпохе кинематографа Голливуда, приняв решение наслаждаться жизнью.

Дегустационное меню пока немало тому способствовало. Он уже потерял счет переменам блюд. Кажется, их было восемь. Или даже больше. Дурманящий круговорот поджаренных на сковороде морских гребешков, перепелиных яиц, сорбета pois gourmand[4] с добавлением

---

[2] Гратен дофинуа – французское блюдо из запеченного картофеля в сливочном соусе с сыром.

[3] Дидье Дагеано – известный французский винодел из долины Луары.

[4] Для гурманов *(фр.)*.

имбиря в качестве закуски, гранита из киви как нейтрализатор вкуса и raviolis de joue de veau avec soubise à l'oignon[5] – основное блюдо…

Ричард не мог объявить себя экспертом и обычно подходил к таким изысканным трапезам с трепетом на грани страха, потому что понятия не имел, соответствует подобное мишленовским стандартам или нет. Зато точно знал, что даже после восьми перемен блюд – либо все же девяти? – так и не наелся. Вообще-то он виновато подумал, пытаясь подавить свою британскую неловкость, что по-прежнему испытывает легкий голод.

– Месье? – Официант вернулся и сейчас стоял рядом, так высоко задрав нос, что тот рисковал застрять в одном из незакрытых вентиляционных отверстий на потолке, которые согласно современной моде в дизайне ресторанов походили на переплетение труб и шлангов. Отчасти в этом следовало винить центр Жоржа Помпиду[6]. – Мы готовы предложить дезерт. Желаете кразного вина или предпочтете белое?

– Кажется, десерт на основе козьего сыра? – уточнил Ричард, распознав подвох.

– Месье прав. – Ноздри официанта раздулись.

– Благодарю, но тогда я продолжу пить этот прекрасный совиньон, как и требует того естественный порядок вещей, – веско добавил Ричард по-французски.

Собеседник выгнул бровь, неизвестно по какой причине щелкнул пальцами, словно недовольный танцор фламенко, и скользнул прочь.

Эта скромная победа крайне порадовала Ричарда, как всегда и бывает в таких случаях. Он часто рассуждал, что небольшие поводы для торжества служат солью жизни. «Moteur»[7], как говорят французы. Если считать существование от рождения до смерти войной, в которой неизбежно поражение, именно подобные минуты триумфа создавали хотя бы впечатление, что есть надежда прийти к финишу вторым, пусть и с небольшим отрывом. К слову, теперь, когда вино начало оказывать заметное воздействие, Ричард уже и предательство Валери считал небольшой победой, даже если в глубине души и понимал, что искажает картину настолько, насколько осмелился бы не всякий прожженный политик.

Ей бы наверняка понравилось мероприятие и возможность находиться в центре внимания, демонстрируя свои манеры, элегантность и красоту, которым бы позавидовала любая присутствующая здесь женщина, пока присутствовавшие здесь мужчины пускали бы слюни, глазея. К тому же благодаря своему роду деятельности Валери вполне могла бы сломать шею надменному официанту одним отточенным балетным пируэтом. Эх, мечты, мечты. Ричард отпил еще глоток, затем сам долил в бокал вино. Еще одна маленькая победа.

– Ричард?

– Да? – Он виновато оглянулся, поспешно возвращая бутылку в ведерко со льдом, так как подумал, что охрана решила вмешаться, дабы предотвратить столь вопиющее нарушение кодекса дегустации алкогольных напитков. – А, Ноэль.

Вид склонившегося Ноэля Мабита заставил его расслабиться. Странный маленький человечек со стиснутыми в зам*о*к руками был одет почти как официант, хотя обычно французы предпочитали неформальный стиль на подобных формальных мероприятиях.

Ричард не мог точно определить, чем именно ему не нравился Ноэль Мабит, – и никто не мог, даже многострадальная мадам Мабит, которая часто отзывалась о муже как о своем довеске и заявляла, что совершенно не скучает по нему во время разлуки. Он просто всегда околачивался поблизости: присутствовал на всех заседаниях и вечеринках, подобно министру без портфеля из маленького городка, убеждая других участвовать в общественной жизни, хотя сам, кажется, никогда ничего не делал.

---

[5] Равиоли из телячьих щечек в белом луковом соусе *(фр.)*.

[6] Национальный центр искусства и культуры в Париже.

[7] Двигатель, движущая сила *(фр.)*.

– Ричард, прости, что потревожил тебя. – Ноэль выразительно покосился на пустующее место напротив, где должна была бы сидеть Валери. – Ты знаком с месье Августом Татильоном? – Он кивнул на фигуру мужчины за спиной.

Ричард раньше не встречался с ним, но определенно о нем слышал. Репутация одного из самых язвительных ресторанных критиков во Франции означала, что тот нависал над кулинарным миром, точно грозовая туча, всемогущая и способная нанести колоссальный ущерб. Его слова заключали в себе разницу между успехом и неудачей. Как выразился один из шефповаров, не известный своим почтением ко всем живым существам, перо критика резало острее, чем японский кухонный нож. Сейчас Татильон со скучающим видом высился за спиной Ноэля. Презрительно поджатые губы и холодно сверкавшие глаза намекали на отношение к ситуации.

– Не имел такого удовольствия. – Ричард встал и протянул руку критику.

Тот оказался выше, чем создавалось впечатление ранее, и стройнее – почти худым, как человек, которому не помешало бы хорошенько подкрепиться.

– Очень приятно познакомиться, – невнятно промямлил Татильон, хотя выражение его лица явно говорило об обратном.

– Месье Август приехал в Сен-Совер по делам и хотел бы остановиться на ночь в гостинице, – залился соловьем Ноэль. – Я предложил твое очаровательное заведение. Надеюсь, свободное место найдется? – Он невольно махнул рукой на пустой стул.

Гостевой дом типа «постель и завтрак», хотя Ричард предпочитал французское выражение chambre d'hôte, и служил причиной его заметного положения в местном обществе. Он был благодарен за это, но не слишком любил бронирования в последний момент, которые символизировали изменение планов, а значит, и дополнительные усилия. С другой стороны, стало предельно ясно, что зарезервировавшая последний номер Валери уже не явится, а ночевка в Les Vignes столь известного ресторанного критика, как Август Татильон, благоприятно скажется на репутации гостиницы, пусть и вынудит уделить особенное внимание качеству круассанов на завтрак.

– Конечно, – отозвался Ричард. – Сочту за честь принимать вас у себя.

Ноэль радостно хлопнул в ладоши.

– Благодарю месье за любезность, – с болезненной гримасой процедил Татильон таким тоном, будто Ричард только что вонзил ему в барабанные перепонки нож для рыбы, и вернулся за свой столик.

– Чудесно! – не сумел удержаться от комментария Ноэль. – Август Татильон! Остановится здесь, в Сен-Совере! Ты же нас не подведешь?

– Значит, этот критик важнее, чем Себастьен Гроссмаллард? – уточнил Ричард, проигнорировав это «нас».

– Кто? – Ноэль проследил взглядом за Татильоном, который скользил между столиками, точно на роликовых коньках.

– Себастьен Гроссмаллард. Наш знаменитый шеф-повар с тремя мишленовскими звездами. Хозяин ресторана, открытие которого мы сейчас празднуем. – Зал погрузился во мрак. – А вот и он сам.

Одна из дверей на кухню распахнулась, проливая яркий свет в затемненное помещение. На этом фоне появилась огромная черная фигура, окутанная сияющим ореолом, – Себастьен Гроссмаллард, державший в страхе всех имевших отношение к французскому ресторанному бизнесу. Сейчас он устрашал скорее своим возрастом, в чем не желал признаваться, однако по-прежнему считался гениальным деспотом во влиятельных кулинарных кругах.

Освещение немного прибавили, когда шеф-повар вошел в зал. Верхние пуговицы его белоснежной униформы были расстегнуты, а остальные едва не лопались на животе. По лицу Себастьена катился пот, волнистые волосы длиной до плеч липли ко лбу, цвет кожи выдавал

крайнюю усталость. В правой руке, вытянутой над головой, хозяин вечеринки держал тарелку, левой же обхватывал за плечи более низкорослого парня, которого он практически тащил.

Зал взорвался аплодисментами. Ричард последовал всеобщему примеру. Появление выглядело внушительно, в стиле Гроссмалларда, как сказали бы люди. Когда рукоплескания стихли, шеф-повар кивнул в знак признательности и глубоким, звучным голосом, эхом отразившимся от труб под потолком, произнес:

– Мадам и месье, я вернулся домой! – Послышались новые хлопки, и он вскинул левую руку вверх, опустив на пол невысокого спутника. Дождался, пока стихнут овации, и продолжил, покачав тарелкой: – Это блюдо, которое принесло мне известность. Parfait de fromage de chèvre[8] de Grosmallard! – затем поклонился в ответ на раздавшиеся опять аплодисменты. Освещение вспыхнуло на полную яркость, и зал внезапно наполнился официантами и официантками, которые заняли позиции во время темноты, так что теперь каждый поставил на стол знаменитое блюдо. – В этот и только в этот раз его приготовил мой сын, Антонин! – перекрикивая шум, провозгласил Себастьен, вновь обнимая за плечи спутника.

Однако большинство посетителей с изумлением разглядывали тарелки перед собой. Назвать представшее глазам яство просто парфе с козьим сыром – значило сильно преуменьшить. Конечно, гостям подали именно его: белая мраморно гладкая масса в форме яйца, украшенная по бокам тартами из свеклы и малины, а сверху посыпанная цветками настурции, изящными, как снежинки. Но финальным аккордом служил главный элемент, сразу же притягивающий взгляд: кроваво-красный отпечаток ладони из брусничного пюре, которое нанесли непосредственно на тарелку под парфе и тартами. Зрелище получилось невероятное.

Все присутствующие заняли свои места и молча погрузились в процесс дегустации. В зале воцарилась тишина. В основном восхищенная. Ричард не мог назвать себя поклонником кулинарного искусства и украшательства ради украшательства, однако признавал, что видит перед собой шедевр мастерства, пусть тот и напоминал о настоящем кровавом отпечатке ладони, оставленном на стене его гостиницы. Именно так они впервые и встретились с Валери. Ричард не знал, с чего начать. Не хотелось портить такое великолепие. Остальные посетители, кажется, испытывали сходные ощущения. Затем все вздохнули поглубже и принялись за дело.

Ричард заметил, что почти сразу атмосфера в помещении изменилась: послышались недовольные перешептывания – сперва от столика, где сидел Татильон, а после и с других сторон. Постепенно не слишком радостные обсуждения становились все громче и громче.

– Он изменил рецепт! – воскликнул один из ужинавших.

– Святотатство! – поддержал другой.

Кажется, какая-то женщина упала в обморок.

Внезапно зал охватил настоящий гневный хаос, который нарушил лишь леденящий душу крик. Первобытный вой долетел из кухни и эхом разнесся по скоплению труб под потолком, пока не просто заполнил помещение, а будто бы окружил его.

– Ты убил меня! – звучал со всех сторон надсадный рев. – Ты. Убил. Меня!

Ричард трясущейся рукой поднес бокал к губам, но его кто-то отобрал.

– Я что-нибудь пропустила? – спросила Валери, отпивая вино. Свет отражался в ее глазах, блестевших азартом.

---

[8] Parfait de fromage de chèvre – парфе из козьего сыра *(фр.)* – замороженное сладкое блюдо из сливок, яиц, сахара и ванили с добавлением мягкого белого сыра из козьего молока с нежным вкусом.

Глава вторая

Гости охваченного мрачным настроением ресторана медленно покидали его и шагали в сторону парковки. Их тихие разговоры звучали едва слышно, но громогласно заявляли о том, что происшествие потрясло городок до самого основания. Ричард заметил, что Ноэль Мабит задержался, вероятно для того, чтобы предложить свою помощь. Вот только никто не хотел с ним разговаривать. Обслуживающий персонал убирал со столов, пытаясь не шуметь, и даже официант-антагонист Ричарда выглядел шокированным. Август Татильон с небольшим, изысканного вида кожаным дипломатом в руках ждал хозяина гостиницы возле двери и напоминал бы эвакуированного после катастрофы, если бы не застывшее на лице отстраненное, высокомерное выражение строгого учителя, которого разочаровал лучший ученик.

Валери выглядела ненамного радостнее.

– Что за идиотизм! – повторяла она раз за разом. – Ох уж эти французские мужчины! – Затем посмотрела на Ричарда и поправилась: – Ох уж эти мужчины!

Он сам чувствовал легкое головокружение после обилия выпитого дорогого вина и не имел ни малейшего понятия, чем заслужил упреки спутницы, но так как они преследовали его почти всю взрослую жизнь, то сейчас подействовали даже немного успокаивающе.

– Что случилось с твоей машиной? – уточнил Ричард, пытаясь сменить тему и отвлечь внимание от своей неясной вины.

– Не знаю, – отмахнулась Валери. – Я остановилась, чтобы выгулять Паспарту, и не смогла потом ее завести. Пришлось ждать попутный транспорт, который дотащил меня сюда на буксире.

Как обычно, они общались то по-английски, то по-французски, но акцент собеседницы звучал более заметно от раздражения.

Ричард и забыл о Паспарту, избалованном чихуахуа Валери, которого она везде таскала с собой и который постоянно следил за ним с подозрением, совсем как официанты и ресторанные критики.

– И где твой питомец сейчас?

– Он в твоей машине… – Когда Ричард сделал попытку перебить, Валери с напором продолжила: – Да, я взломала ее. Кстати, с невероятной легкостью. Не понимаю, зачем ты вообще запираешь дверцы. – Что за идиотизм! – в сотый раз повторила она, явно теряя терпение. – И все из-за какого-то дурацкого сыра.

Проходящий мимо гость ресторана посмотрел на нее так, будто услышал богохульство. Этот взгляд говорил: «Мы во Франции, здесь просто не бывает дурацких сыров».

Скорбную, безмолвную атмосферу нарушил еще один вопль с кухни, от которого задрожали распашные, точно в салуне на Диком Западе, двери, скрывавшие от глаз то, что происходило внутри. Затем они так резко открылись, что едва не врезались в стены, чуть не задев официантку с горой тарелок в руках. На пороге вновь появилась внушительная фигура Себастьена Гроссмалларда, заполнив собой весь проем. Шеф-повар выглядел похожим на быка, готового протаранить любого, кто встанет на дороге. Налитые кровью глаза производили впечатление, что он плакал. В левой руке была зажата бутылка вина.

– Все кончено! – взревел хозяин ресторана. – Моя репутация разрушена! – Он обвел помещение взглядом в поиске жертвы.

– Месье Эйнсворт? – постучал Ричарда по плечу Август Татильон. Хотя выражение его лица оставалось презрительным, краем глаза он с опаской следил за Себастьеном, который разъяренно пыхтел в противоположном конце зала. – Могу я предложить покинуть это заведение? Месье Гроссмаллард известен своим взрывным темпераментом и нелюбовью к скромным персонам критиков. Давайте оставим его разбираться с последствиями скандала.

– Да, да, конечно, – торопливо согласился Ричард, и сам осторожно наблюдая за знаменитым шеф-поваром. Тот топтался в дверях кухни и напоминал сейчас Кинг-Конга на вершине Эмпайр-стейт-билдинг. – Позвольте, я представлю вас…

– В машине, непременно, – перебил Татильон, продвигаясь к выходу. – Простите покорно, мадам, но, пожалуйста, идемте отсюда.

Ричард последовал за критиком, но обернулся, заметив, что Валери осталась на месте. Она выглядела не слишком впечатленной ужимками Гроссмалларда и казалась вполне способной так ему и заявить. На ее губах играла легкая улыбка, а в глазах плескалось сочувствие к этому жалкому существу, к этому раненому зверю.

– Ох уж эти мужчины, – снова вздохнула Валери, достаточно громко, чтобы ее слова донеслись до Гроссмалларда, но тот был слишком погружен в отчаяние и никак не отреагировал.

Ричард вернулся и осторожно, чтобы не спровоцировать демонстрацию боевых навыков, взял девушку под локоть, после чего увлек ее к выходу, где ждал явно потрясенный Август Татильон.

Снаружи ночной воздух оказался еще теплым, однако его свежесть немедленно ударила в голову, заставив Ричарда ощутить гораздо более сильное опьянение, чем внутри.

– Машина там, – решительно объявил он, чтобы спутники не заметили его состояния, и зашагал к парковке, где специально разместил автомобиль напротив дороги, намереваясь вздремнуть на заднем сиденье, пока не выветрится алкоголь.

– Нет, я ее передвинула. Не хотела, чтобы Паспарту кто-нибудь побеспокоил. – Валери положила руку на спину Ричарда и направила его в другую сторону. Он поймал взгляд Татильона и попытался воспроизвести гэльское пожатие плечами, признавая, что не имеет здесь ровно никакой власти. – Пожалуй, я сяду за руль, – заявила девушка не терпящим возражений тоном.

Несколько мгновений спустя они уже выезжали с парковки. Валери проклинала древний механизм зубчатой передачи видавшего вида автомобиля Ричарда, пока сам владелец транспортного средства был низведен до необходимости выслушивать жалобы с неудобного и тесного заднего сиденья рядом с Паспарту, уступив переднее пассажирское кресло Татильону. Тот скорчился на своем месте, насколько позволял высокий рост. Чихуахуа тоже не выглядел обрадованным тем, что приходится с кем-то делить пространство.

– Гроссмаллард не знает местоположения вашей гостиницы, так ведь? – спросил критик, который безуспешно пытался скрыть тревогу в голосе и казался до смерти напуганным: сейчас хладнокровный разрушитель репутаций, наводивший ужас даже на самых известных маэстро кулинарного мира, буквально трясся от страха.

– Вряд ли, – отозвался Ричард, будучи почти полностью уверенным, что Себастьен Гроссмаллард не имел ни малейшего представления о личностях большинства местных гостей, включая владельца гостиницы, и уж тем более не знал, где та находится. Однако иногда не мешало продемонстрировать высокую самооценку. – Вы так сильно беспокоитесь из-за него?

Он потянулся, чтобы утешающе положить руку на плечо Татильона. К сожалению, как раз в это время Валери особенно резко свернула, отчего машина накренилась вправо, поэтому вместо плеча Ричард схватился за макушку критика и, к своему ужасу, сорвал накладные волосы с лысины. Попытки вернуть беглый парик на место не привели к успеху: фальшивые пряди намертво приклеились к ладони.

Пока Ричард тряс рукой, стараясь избавиться от нашлепки, Паспарту воспринял ее за конкурента и начал облаивать, угрожающе рыча. Стремясь предотвратить нападение пса, Ричарду удалось перебросить накладные волосы вперед, где они прилипли к ветровому стеклу со стороны пассажира, напоминая сбитое на дороге животное. Воцарилась неловкая тишина. Даже Паспарту спрятался в свою дорогую переноску. Очень медленно Татильон отклеил парик,

посмотрел на него и смиренно вздохнул, впервые с момента знакомства выглядя по-человечески. Затем выдавил, растеряв и напыщенную манеру выражаться, и резкость тона:

– Пожалуй, теперь Гроссмаллард меня не узнает, даже если выяснит адрес гостиницы.

– Ох уж эти мужчины! – снова фыркнула Валери, хотя и менее ядовито на этот раз. – В любом случае так вы лучше выглядите, по-моему, – добавила она отстраненно.

Татильон провел ладонью по искусственным прядям. Со стороны казалось, что он ласкает морскую свинку.

– Благодарю, мадам. – Его голос звучал устало. – Склонен с вами согласиться, но это моя маскировка, если можно так сказать. Это, – и он снова перешел на резкий, презрительный тон, – Август Татильон, устрашающий ресторанный критик. – Затем посмотрел в окно, увидел свое отражение и добавил тихо и слегка меланхолично: – А без парика мне не нужно притворяться.

«Неловко вышло», – подумал Ричард, ощущая, что Валери жаждет продолжить распекать мужчин и, без сомнения, проехаться насчет их абсурдного тщеславия.

Не то чтобы он был не согласен в какой-то мере, но чувствовал: смена темы разговора может улучшить атмосферу, поэтому произнес:

– Следовало написать мне, когда сломалась машина. Я бы приехал и забрал тебя. – На трезвую голову Ричард наверняка заметил бы, что температура в салоне резко упала. – Не сказать, чтобы мне нравилось сидеть в одиночестве за ужином. Не знаю, как вы выдерживаете подобное, месье Татильон. Создавалось впечатление, что все на меня пялятся…

Критик уже начал поворачиваться, чтобы ответить, но Валери его опередила:

– Я отправила восемь сообщений. Включая два голосовых. Думаю, ты как раз вовсю получал удовольствие от ужина.

Значит, вот в чем было дело. Мужчины подвели ее сегодня. Вернее, в этом случае мужчина. И Ричард являлся конкретным представителем своего пола.

– Он не мог получить сообщения, – пробормотал Татильон, по-прежнему печально глядя в окно. – Гроссмаллард ненавидит социальные сети, поэтому устанавливает в своих ресторанах дорогие глушители сигнала.

– А-а, – протянула Валери, предположительно с ноткой раскаяния.

– Восхищаюсь подобным отношением, – нарушил Ричард повисшее молчание.

Татильон прекратил с тоской вглядываться в темноту за окном и повернулся к спутникам со словами:

– Лучшие блюда Гроссмалларда всегда сосредоточены на вкусовых ощущениях, поражающих с первой же секунды. Это, конечно, правильно, но еще он любит производить драматический эффект. Изумлять театральным представлением, красочной визуализацией. А потому терпеть не может мобильные телефоны. Если все увидят фотографии в соцсетях, то впечатление будет испорчено, удивление пропадет. – Критик постепенно оживал, разглагольствуя о своей теме, и теперь из-подо льда высокомерия проглядывала истинная увлеченность предметом обсуждения. – Лучшие блюда Гроссмалларда не просто безупречны, но также рассказывают историю, помимо гениального вкуса!

– Я читал где-то об этом, – поддержал Ричард, захваченный моментом.

– Это я написал ту статью, – объявил Татильон, и в его тоне вновь проскользнул намек на прежнюю помпезность, несмотря на отсутствие парика.

– Теперь понятно. Тогда что же случилось сегодня с десертом? Почему разразился скандал? На мой взгляд, блюдо смотрелось великолепно.

– Драматичность подачи никто не оспаривает, конечно. Но вот вкус…

– А мне понравилось.

– Даже парфе?

– Да, – нервно ответил Ричард, чувствуя себя так, словно провалил экзамен.

– Но козий сыр…

– Да?

– Он же был веганским! – Татильон едва сдерживал ярость. – Объявить о своем «возвращении домой», а потом оскорбить земляков фальшивым сыром! – последние два слова он выплюнул. – Который не обладал ни вкусом, ни консистенцией, подобающими ресторану, тем более ресторану с мишленовскими звездами. Это же наглая подделка!

– Понимаю, – протянул Ричард, хотя ровным счетом ничего не понимал.

– Нам обещали возвращение к корням, к истокам былой славы спустя много лет. А взамен мы получили… – Знаменитый критик, казалось, не мог подобрать слов. – Мы получили пародию, комедию, фарс!

Ричард решил, что полностью положительного отзыва на открытие ресторана от Татильона можно не ждать, и не хотел бы очутиться рядом с Гроссмаллардом, когда тот будет читать статью. Особенно после его реакции нынешним вечером. Мелькнула мысль, что следует вступиться за шеф-повара, но Ричард не мог отнести себя к экспертам. Его спас телефон, на который начали приходить сообщения. Один из рингтонов звучал незнакомо.

– Это у меня, – пояснила Валери, резко тормозя у ворот гостевого дома. Все вылезли наружу: Ричард с некоторым трудом, Татильон с дипломатом. Она извлекла из-под переноски Паспарту небольшую сумку с вещами на один день, пояснив: – Я оставила багаж в своей машине. Мы можем вернуться к ресторану завтра.

Что-то подсказывало Ричарду: Валери поедет туда в любом случае, однако он задвинул это соображение на задворки сознания, внезапно озаренный пониманием, что отдал ее комнату Татильону в порыве обиды, и протянул, стараясь выиграть время и срочно придумать, куда же поселить оставшуюся без номера гостью:

– Конечно-о.

– Какая жалость. – Она посмотрела в телефон, и ее лицо осветило мерцание экрана. – Моя завтрашняя встреча отменяется. Оказывается, хозяин скончался. Печально, он создавал впечатление приятного человека при звонке.

– Хозяин? Ты что, ну, это?.. – Ричард с трудом держал себя в руках.

– Да, я подыскиваю себе дом. – Утверждение прозвучало холодно, почти как заявление для прессы, а во взгляде Валери невозможно было хоть что-то прочитать. – Нужно убираться из Парижа. – Повисло еще одно неловкое молчание, которое она нарушила, тихо добавив: – Бедный месье Менар.

– Менар? Вы сказали – Менар? – спросил Татильон, стоявший возле ворот в ожидании, пока кто-нибудь их откроет.

– Да. Похоже, он умер сегодня вечером. – Валери взяла переноску с Паспарту и вручила ее Ричарду.

– Пожалуй, это даже к лучшему, – саркастически отозвался критик. – Он поставлял сыр Гроссмалларду.

Глава третья

Ричард, как обычно, прятался за раздаточной стойкой, пытаясь выглядеть занятым важным делом. Если старые фильмы служили убежищем, то сервировка завтрака в гостинице помогала думать. Оставалось замаскировать процесс либо важной позой, опираясь на полированную поверхность столешницы из дубового дерева, как трактирщик тюдоровских времен, либо притворяться, что протираешь несуществующее пятно от кофе. Это давало Ричарду ощущение причастности без непосредственного участия. В распоряжении постояльцев, готовый ответить на любые их вопросы и исполнить любые пожелания, если таковые возникнут, но с достаточно отстраненным выражением лица, чтобы гости дважды подумали, прежде чем обращаться. К счастью, завтрак уже подходил к концу, потому что Ричарда занимали другие заботы.

В отеле сейчас остановилась довольно приличная публика, не такая требовательная, как иногда бывало. Одна пара нетрадиционной ориентации рано проснулась, потому что хотела вместить столько chateaux[9] в один день, сколько возможно. Двое весьма привлекательных мужчин слегка за тридцать, месье Жан и месье Оливье Фонтейны, убрали со стола и сами помыли за собой посуду, пока Ричард вышел, чтобы покормить кур-несушек, как поступал, когда требовалось особенно глубоко погрузиться в размышления.

Периодически он читал, что некоторые владельцы гостевых домов отказывались размещать у себя пары нетрадиционной ориентации из каких-то архаических предубеждений, но не понимал этого. По его опыту, такие постояльцы всегда держали номера в чистоте и порядке, не оставляя ни единого пятнышка. Если бы существовал рынок только для розовых и голубых евро в долине Фолле, Ричард бы только обрадовался.

Молодые гетеросексуальные пары были другими. Обычно на ранних этапах отношений мужская половина чувствовала потребность бить себя в грудь и жаловаться на все в стиле альфа-самцов, пока женская половина, к ее чести, выглядела слегка смущенной. Плюс в нынешние времена почти все парни обычной ориентации отращивали идиотские бороды, как у исследователей Арктики, что означало забитые раковины и сопутствующее раздражение мадам Таблье, femme de ménage[10] этой гостиницы, являвшей собой нечто среднее между бескомпромиссной представительницей простонародья и вышибалой ночного клуба.

Хотя самыми сложными гостями Ричард считал семьи. Сейчас он искоса наблюдал как раз за такими. Они расположились за угловым столиком. Как и многие туристы, работающие супруги, которые редко видели друг друга в будни, на выходные выбрались из Парижа за город вместе с детьми, которых видели еще реже. Печальное зрелище: близкие люди, едва знакомые с привычками друг друга, на пару дней изображающие сплоченную ячейку общества.

Мадам Таблье тоже не испытывала восторга от семей, которые символизировали присутствие детей. Дети же, в свою очередь, означали неизменные крошки на безупречно чистых плитках пола или отпечатки пальцев на стенах. Словно читая мысли, уборщица вошла в зал через двустворчатые двери, позвякивая старым металлическим ведром и выглядя такой недовольной, точно ей поручили отмыть огромную территорию после особенно разгульного музыкального фестиваля. Мать семейства, невысокая, сильно накрашенная блондинка с короткой стрижкой, поприветствовала мадам Таблье, как и супруг, лысеющий мужчина с залихватски поднятым воротником заурядной рубашки регби. Оба посмотрели на опрятно одетых мальчика и девочку, чьи волосы еще влажно блестели после душа, но были причесаны, что не вязалось с размазанным по лицам шоколадом. Дети проигнорировали родителей.

---

[9] Замков *(фр.)*.

[10] Femme de ménage – горничная, служанка *(фр.)*.

– Что нужно сказать? – не сдавалась мать, выражение лица которой намекало, что няня вылетит с работы, как только семья вернется домой.

– Bonjour[11], мадам, – хором отозвались дети.

– А? А, да. – Мадам Таблье явно захватили врасплох. – Bonjour. Убедитесь, что ничего не уронили на пол. – И она поспешила удалиться в сторону узкой лестницы, но через несколько ступеней вынужденно вернулась, чтобы пропустить Августа Татильона, после чего заковыляла наверх, совершенно не впечатленная важной особой.

Критик снова нацепил накладные волосы, и с ними возвратилась манера держаться, задрав нос. Ричард теперь относил это скорее не к проявлению высокомерия, а к попытке найти такое положение, чтобы парик не соскальзывал. Татильон приблизился к раздаточной стойке, снова двигаясь плавно, будто паря над полом, как в ресторане прошлым вечером.

– Доброе утро, месье. Надеюсь, вы хорошо выспались, – поприветствовал Ричард гостя дежурной фразой. Иногда он произносил ее даже несколько раз. Что поделаешь, пустые беседы не были его коньком.

– Ну, я лег довольно поздно, так как писал статью про открытие ресторана Гроссмалларда.

– Удачно получилось?

– Настолько удачно, насколько может быть удачным некролог, – последовал зловещий ответ. – Хотя не исключаю, что по нынешним временам это сочтут дурным вкусом. – Татильон наклонился ближе. – Насчет, э-э, прошлого вечера, месье… – Он многозначительно замолчал и указал на потолок длинным костлявым пальцем.

Ричард посмотрел вверх и переспросил:

– Насчет прошлого вечера? – Потом понял, что собеседник имел в виду свой парик. – А-а, ясно. Не переживайте, ваш секрет в полной безопасности. Тактичность – мое второе имя.

– А ваша жена тоже ей обладает? – Татильон придвинулся совсем близко.

«Жена?» – озадаченно подумал Ричард. Какое отношение имела жившая с ним порознь Клер к событиям прошлой ночи? Затем пришло озарение, и он невольно покраснел от смущения.

– А-а, вы говорите о мадам д'Орсе… Она… Э-э… Старый друг семьи, скажем так.

– Интересно, – промурлыкал Татильон, практически облизываясь. Он отстранился, хищным блеском в глазах напоминая Шерхана из «Маугли». – Очень интересно.

– Теперь насчет завтрака, месье, – продолжил Ричард, проигнорировав выражение лица визави. – Могу предложить хлебобулочные изделия в ассортименте и свежие круассаны. Нечасто в моей гостинице останавливаются известные ресторанные критики. Я также приготовил, – он наклонился, распахнул дверцу духовки и достал теплую тарелку, накрытую металлической крышкой, – запеченные грибы с сыром и взбитыми яйцами от собственных куриц, на подушке из томатного пюре со свежесобранным чесноком. – Он убрал термоколпак жестом заправского фокусника и триумфально провозгласил: – Вуаля!

– Да, конечно. – Татильон снова наклонился ближе, готовясь поделиться новой тайной, и прошептал: – А у вас есть немного шоколадной пасты? Обожаю ее. И обычный тост, пожалуйста. – Затем развернулся и направился к одному из столиков, но на полпути остановился, обернулся и добавил: – Говорите, не ваша жена? Странно, обмениваетесь колкостями вы совсем как супруги.

Ричард медленно опустил крышку, не обращая внимания на завистливые взгляды парижской семьи, пожирающей глазами содержимое тарелки. Пожалуй, в словах Татильона крылась доля истины. Они с Валери действительно препирались, точно давно состояли в браке.

[11] Здравствуйте *(фр.)*.

Она вела себя крайне раздраженно, когда наконец явилась в ресторан, но, учитывая поломку машины и неотвеченные сообщения, имела на то полное право.

Что же касалось Гроссмалларда, то веганский сыр в знаменитом десерте – это ведь не конец света, так? По понятным причинам Ричарду было хорошо известно отношение французов к пище неживотного происхождения. Это напоминало отношение британцев к добавлению молока в заварку до кипятка. Что-то вроде: «Мы понимаем, что так делают, но избавьте нас от этого зрелища, пожалуйста».

Вот только потом погиб Фабрис Менар, превозносимый до небес поставщик сыра. Довольно странное совпадение, хотя оно могло быть и совершенно случайным. Ричард немного знал покойного. Несмотря на оглушительный успех его предприятия, даже за границей, он всегда производил впечатление очень скромного человека, к тому же тщедушного и слабого в физическом плане.

Ричард объяснил все это Валери вчера вечером, когда она показала сообщение, полученное от Хьюго Менара, сына погибшего:

«Недвижимость снята с продажи. Отец умер, и мы больше не нуждаемся в деньгах. Х. Менар».

Даже с точки зрения Ричарда это послание скорее вызывало вопросы, чем давало ответы. Во-первых, его отправили в очевидной спешке. А еще, казалось, содержание сообщения намекало, что старший Менар не знал о грядущей продаже собственности. Заключительная же часть и вовсе интриговала, ведь у короля производителей сыров в долине был процветающий бизнес.

Ричард достаточно хорошо успел изучить Валери, чтобы знать: она на этом не успокоится. Также он понимал, что и его вовлекут в расследование, несмотря на все попытки для виду отбрыкаться. Как понимал и то, что в конце концов сдастся и погрузится в поиски улик, получая при этом истинное удовольствие. Именно поэтому и не мог уснуть прошлой ночью. Поэтому и потому что Валери д'Орсе находилась в соседней комнате, на кровати его дочери, а до того присматривала дома в ближайшем районе.

Парижская семья встала из-за стола, дети получили очередное замечание, теперь за то, что не подняли стулья, царапнув ножками пол. Когда гости ушли, Ричард снова вытащил тарелку из духовки, намереваясь сам съесть любовно приготовленное угощение, раз никто его не захотел. В этот раз он снял крышку без театральных жестов, чувствуя, что все усилия пропали втуне.

– А, Ричард! – Как обычно, Валери проникла в помещение совершенно незаметно. – Это для меня? Выглядит аппетитно. Доброе утро, месье. – Она кивнула Татильону, который сидел с отвисшей челюстью, не донеся до рта намазанный шоколадной пастой тост.

Сегодня на девушке красовался наряд в стиле Одри Хэпберн: черные капри, балетки того же цвета и чуть великоватый джемпер. Солнечные очки, аккуратно заправленные в свободный пучок волос, служили в качестве ободка. На руке висела соломенная сумка с Паспарту, последним из аксессуаров.

Когда Валери прошла мимо столика Татильона, тот так и остался сидеть, застыв на месте. Если бы это был мультфильм, то накладные волосы взлетели бы в воздух и встали дыбом.

Критик постепенно взял себя в руки, пока Ричард сервировал столик, произнеся так, чтобы услышал соперник:

– Я присоединюсь к тебе через минуту. Только поставлю вариться кофе.

– Можно попросить еще миску воды для Паспарту?

– Сию секунду.

Уже давно миновали те дни, когда Ричард пытался указать Валери, что питомцам не место в столовой. Или в спальне, если уж на то пошло. Девушка просто смотрела на него открытым взглядом, в котором читалось абсолютное согласие с существующими правилами и такое же полнейшее непонимание, какое они имеют отношение к Паспарту – члену семьи,

а вовсе не питомцу. Это было одной из многих битв между ними, где одержала победу непрошибаемая логика Валери. Хотя отец Ричарда научил сына, что главное не победа, а участие. Даже если поражение неизбежно.

Татильон плавным движением поднялся из-за стола и накрыл тарелку салфеткой, после чего медленно скользнул по направлению к Валери, предварительно удостоверившись, что Ричард это видит.

– Мадам, сегодня утром вы выглядите очаровательно.

– Благодарю, – отозвалась она так небрежно, как может только красавица, постоянно получающая комплименты.

– Этим вечером меня пригласили посетить еще один ресторан поблизости. Увы, работа, всего лишь работа. Однако я счел бы за честь, если бы вы присоединились ко мне. Надеюсь, на этот раз ужин пройдет успешнее, чем вчера.

– С удовольствием, месье, спасибо, – просияла Валери и посмотрела на часы, а Татильон бросил на соперника победный взгляд. – Ричард, мы ведь свободны сегодня вечером? – уточнила она, не поднимая головы.

– Думаю, да. Очень любезно с вашей стороны, месье. Вы будете готовить отзыв? – поинтересовался Ричард, даже не пытаясь скрыть собственный торжествующий взгляд, наблюдая за разочарованным выражением лица критика.

– Да, – резко ответил тот и направился к лестнице, бросив напоследок с ничем не замаскированным раздражением в голосе: – До встречи вечером.

– Интересно, стоит ли захватить с собой шоколадную пасту? – прошептал Ричард, пока Татильон поднимался по ступеням в свою комнату.

– Что ты сказал? – вскинула глаза Валери.

– Ничего, – откликнулся Ричард, садясь рядом с ней с двумя чашками кофе.

Мадам Таблье с грохотом спустилась со второго этажа и тут же уставилась на Паспарту.

– Вернулись, значит? – Затем сощурилась и протянула: – Я не заметила собачьей шерсти в номерах.

– Bonjour, – поприветствовала Валери уборщицу, потом выпорхнула из-за стола и расцеловала ее в обе щеки, тем самым совершенно обезоружив. – Я ночевала в доме…

– В комнате моей дочери, – поспешил добавить Ричард.

– Хм-м, значит, опять творится какая-то канитель, как в прошлый раз. Ну и ладно, мне все равно не понравился тот подозрительный тип, который испачкал шоколадом перила… – Мадам Таблье вышла за порог, продолжая ворчать себе под нос.

– Теперь нужно кое-что обсудить, – с внезапным напором заявила Валери. – Я решила осмотреть дом Менаров. И не надо со мной спорить, – нахмурилась она, когда Ричард открыл рот, словно собираясь перебить ее. – Мне не понравился тон присланного сообщения.

– И поспешность его отправки.

– И поспешность его отправки, в точку.

– И ты планируешь убедиться во всем сама.

– И я планирую убедиться во всем сама. Ох.

– Значит, ты скажешь, что не видела сообщения?

– К сожалению, я уже ответила на него. – Валери опустила глаза на завтрак. – Написала, что соболезную утрате и так далее.

– А, ясно. Тогда у тебя просто нет повода заявиться к Менару. – Они посидели несколько секунд молча, пока она ковырялась вилкой в еде. – Послушай, – спокойно продолжил Ричард, – пару недель назад мы с ним разговаривали насчет поставки в гостиницу его новомодных йогуртов…

– И? – В глазах Валери вспыхнул огонек оживления.

– И ничего. Это была одна из тех вежливых бесед, которые ни к чему не ведут. – Она выглядела разочарованной, поэтом Ричард торопливо спросил: – Но ведь с тобой лично никто не знаком, так?

– Так.

– Тогда, проезжая мимо по пути обратно в ресторан, чтобы забрать твою машину, мы можем просто заскочить к Менарам и поинтересоваться насчет его решения… – Он самодовольно отхлебнул кофе, который был слишком горячим для столь смелого поступка.

– О, Ричард! – воскликнула Валери, откладывая вилку. – Ты гений!

Глава четвертая

Валери так и искрилась от нетерпения, точно статическое электричество. Если накануне вечером она и была подавленной и раздраженной, то только до получения сообщения о смерти Фабриса Менара, немедленно сделав вывод о наличии, как это называли раньше, преступного умысла, учитывая скандал с веганским козьим сыром в ресторане. Эта почти детская жажда приключений заразила и Ричарда, несмотря на полное отсутствие инфантильности в его характере, чем он очень гордился.

Заметив намек на интригу, Валери пришла в восторг и вела себя, будто ребенок в первый день летних каникул. Конечно, азарт погони тек в ее крови, принимая во внимание профессию охотницы за головами, которая, очевидно, пользовалась большим спросом. Приключение требовалось ей не меньше, чем очередная доза наркоману, хотя на этот раз оно долго не протянет, как и сам Менар. Ричард точно это знал и чувствовал себя слегка виноватым, придерживая информацию о слабом сердце короля сыров, о чем было известно целой округе. Как и льву в «Волшебнике страны Оз», Ричарду не хватало смелости рассказать обо всем Валери.

– Хорошо спалось? – единственное, что он сумел придумать для завязки беседы, пока вел машину по той же проселочной дороге, по которой они возвращались в гостиницу вчера, но на этот раз куда осторожнее.

– Что? А, да, мы отлично выспались, спасибо. – Паспарту, кажется, тоже согласно кивнул с заднего сиденья. – Хотя тебе следовало упомянуть, что все номера заняты. Я бы нашла другую гостиницу…

– О нет! – Ричард сразу же понял, что его реакция походила скорее на панический вопль, чем на сдержанную реплику учтивой беседы. Эффект усилило то обстоятельство, что он оторвал глаза от дороги и машину занесло, в точности как вчера. – И слышать об этом не хочу, – добавил он, стараясь максимально похоже скопировать тон Дэвида Нивена во время перестрелки и одновременно выравнивая автомобиль.

– Ну и глупо! – хихикнула Валери, заставив Ричарда покраснеть. – Зачем мужчины вообще носят парики?

Осознав, что речь идет не о нем, он задумался над вопросом.

– Полагаю, из нежелания примириться со своими недостатками. Хотя мне об этом никогда не приходилось волноваться. – Ричард понял, что напрашивается на комплимент, как любой другой мужчина среднего возраста, и молча упрекнул себя.

– У тебя чудесные волосы. Но лысина тебе бы точно не пошла, хотя некоторым она даже к лицу.

– Пожалуй, сгодится и так.

– Однако я считаю, что подобные люди что-то скрывают, иногда и от самих себя. Твой постоялец совершенно меняется с накладными волосами, они повышают его самооценку. – Валери умолкла, обдумывая мысль. – Когда женщины увеличивают грудь, то делают это для себя или для других? Наверное, и то и то.

Ричард отбросил идею вернуть комплимент и сосредоточился на дороге впереди, едва слышно за шумом двигателя обронив:

– Удивлен, что ты не заметила этого раньше. Такие вещи обычно выделяются и совершенно очевидны. Я о накладных волосах, конечно, а не о… э-э… – Валери не отреагировала, кажется, даже не расслышав последние слова. – Как думаешь, парики вроде вставных зубов? Клей теряет свою эффективность ближе к концу дня, что-то вроде того?

– Интересно, надевает ли он искусственные волосы, когда садится за написание статьи? – высказала спутница мысли вслух. – Могу поспорить, что да. – Она наклонилась к сумке

за своим огромным мобильным телефоном и через пару минут достала то, что искала. – Август Татильон, самый известный знаток кулинарного превосходства во Франции. Глупец.

– Как и многие критики.

Ричард встречал немало таких за свою карьеру киноисторика. Некоторые были истинными энтузиастами дела, другие же скорее напоминали стервятников, которые прятались в темноте и надеялись обнаружить слабость потенциальной жертвы, слетаясь на плохие новости, как на труп. И каждый вел себя так, словно обладал мудростью Соломона. Ричард же считал их надменными убийцами радости. Лично он никогда не видел фильмов, в которых не мог найти хоть каких-то достоинств, и такое положение дел его вполне устраивало.

– Появился его последний отзыв, – с вернувшимся энтузиазмом сказала Валери. – Ресторан Les Gens Qui Mangent, Сен-Совер. – Она помедлила, прежде чем продолжить. – Боже мой.

– Что там?

– Заголовок гласит: «Король умер, но был ли он когда-нибудь жив?»

– Ого. Звучит не особенно уважительно, учитывая обстоятельства, – поморщился Ричард и поторопил Валери, которая начала читать про себя: – Ну?

– Ой, прости. Итак. – Она откашлялась. – «Я опаздывал на свой поезд. Как всегда, вокзал Монпарнас переполняли неприкаянные путники города, который пришел в упадок». Кажется, он считает себя вторым Виктором Гюго. «Не сумев уделить времени на обед в своем привычном ресторанчике Четырнадцатого округа, я купил готовый сэндвич в упаковке из ларька зала ожидания: обычный багет с ветчиной, простой jambon beurre. Увы, тесто оказалось рыхлым, а начинка и вовсе лишь оскорбляла своим существованием напрасно погибшую свинью. Масло же сделали явно из свернувшегося молока».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.